

— Я не буду больше тратить твое время, — продолжил Оуян. — Отравленное вино, белая петля или самосожжение — что ты выберешь?

— Ты так сильно хочешь моей смерти?! — император Синхэ рассмеялся от злости.

— А у тебя есть другой путь? — Оуян насмешливо поднял уголок губ.

Император Синхэ не мог возразить.

Он был предан всеми, остались лишь несколько ближайших охранников, но разве они смогут удержать огромную столицу?

Если бы мятежники не хотели разрушить город, осаждая его, но не атакуя, чтобы вынудить его сдаться, разве он бы сейчас спокойно сидел здесь?

Однако, как в случае с лягушкой, которую медленно варят, эти три дня осады дали ему время, и за это время еще больше людей покинуло его. Теперь бежать стало почти невозможно. Город уже был пронизан шпионами различных мятежных князей, и хотя Ци Юньхэн не вошел в город, нельзя было быть уверенным, что в самом дворце нет его людей. Предки императрицы Чжао не оставили в дворце секретных туннелей, так что незаметно уйти было практически невозможно.

Кроме того, у императора Синхэ не было наследников, и даже если бы он остался в живых, это ничего бы не изменило.

Подумав обо всем этом, он понял, что самый достойный выход — это гордо покончить с собой.

Император Синхэ хорошо это осознавал, и если бы Оуян не появился, он, вероятно, уже поджег бы дворец и отправился в последний путь.

При этой мысли император Синхэ внезапно напрягся, осознав, что упустил из виду нечто важное.

Как Оуян вообще сюда попал?!

Оуян давно покинул столицу, и чтобы войти во дворец, ему сначала нужно было пройти через ряды мятежников, затем преодолеть городские стены, а высокие стены дворца тоже не были просто украшением. Охранники у ворот тоже не просто так стояли.

Если бы Оуян все это время был с Ци Юньхэном, это было бы объяснимо, но он даже не знал, что Ци Юньхэн — это князь Дуншань. Это означало, что он смог так легко оказаться перед ним, полагаясь исключительно на свои собственные способности.

И еще, как зажглись лампы во дворце?!

Остыв, император Синхэ вспомнил об этом и покрылся холодным потом. Подняв голову, он снова посмотрел на Оуяна, и его взгляд стал совершенно иным.

— Я действительно... был слеп, — пробормотал император Синхэ.

Оуян, озадаченный этими бессвязными словами, с недоумением поднял бровь.

Император Синхэ улыбнулся.

Теперь, когда все уже произошло, а Оуян явно не собирался спасать его, некоторые вещи не стоило обсуждать, а некоторые слова лучше было оставить при себе.

Император Синхэ тут же сменил тему.

— Мой дорогой Оуян, давай заключим сделку.

— О? У тебя еще есть чем торговать? — Оуян усмехнулся.

Император Синхэ проигнорировал его насмешку, спокойно улыбнулся и продолжил.

— Я оставлю Ци Юньхэну нетронутую столицу, а ты сделаешь для меня одно дело.

— Это сделка между тобой и Ци Юньхэном, какое дело до меня? — Оуян резко ответил.

— Разве вы не одно целое? — император Синхэ невозмутимо парировал.

— Муж и жена — как птицы в одном гнезде, но в беде каждый спасается сам, — Оуян тут же нахмурился. — Возможно, он уже давно обо мне забыл, и мне незачем становиться посредником, чтобы самому попасть в ловушку.

— Тогда чего ты хочешь? — император Синхэ прямо спросил.

Оуян явно что-то хотел.

Человек, покинувший столицу много лет назад, преодолел столько препятствий, разве только для того, чтобы увидеть его в последний раз?

— Я хочу попасть во внутреннюю сокровищницу, самую глубокую, — Оуян отчетливо произнес.

Император Синхэ слегка вздрогнул, но затем снял с запястья нитку бус и бросил ее Оуяну.

— В каждой бусине спрятан кусочек ключа. Раздави их, достань и собери вместе, чтобы открыть дверь тайного хранилища, — объяснил император Синхэ. — Но как их собрать, я не знаю. Я никогда не был в той сокровищнице.

— Мне не нужно объяснять, я знаю, — Оуян тут же принялся за дело, быстро извлек кусочки ключа из деревянных бусин и, как будто играя с головоломкой, собрал их в странной формы ключ.

Император Синхэ невольно замер, и наконец не выдержал.

— Ты... кто ты на самом деле?

— Сейчас спрашивать об этом, разве не слишком поздно? — Оуян ответил вопросом на вопрос.

— Хватит болтать, скажи, что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Убей великого наставника Янь Юнчана, герцога Лао Синя и заместителя министра Ян Дэцзяна. Пусть их семьи погибнут, и их род прервется! — император Синхэ без колебаний назвал три имени, явно ненавидя их до глубины души.

— Что они сделали? — Оуян с недоумением посмотрел на императора Синхэ. — И кто такой этот Ян Дэцзян?

Великого наставника Янь Юнчана и герцога Лао Синя он знал — они занимали высокие посты. Внучку первого император Синхэ назначил своей наложницей, а дочь второго сделал императрицей. Они были и подданными, и родственниками, так что, вероятно, сделали что-то предательское, чтобы вызвать такую ненависть.

Что касается имени Ян Дэцзян, Оуян слышал его впервые, видимо, этот человек появился уже после его отъезда из столицы.

— Падение моей династии, конечно, было предопределено судьбой, но корень проблемы кроется в том, что у меня так и не появилось наследника, — к этому моменту император Синхэ уже не стал приукрашивать, прямо объяснил. — Однако лишь перед самым крахом я узнал, что причиной этого стали действия людей, которые подсыпали в мою еду и питье лекарство, делающее меня бесплодным.

— Ты говоришь, что это сделал Ян Дэцзян? — Оуян намеренно спросил.

Раз он был заместителем министра, Ян Дэцзян, конечно, был мужчиной, но Оуян никогда не слышал, чтобы император Синхэ имел склонность к мужчинам. Этот вопрос был задан лишь для того, чтобы разозлить его.

Однако император Синхэ уже не стал спорить, лишь спокойно улыбнулся и дал ответ.

— Это сделала императрица, — император Синхэ прищурился, отчетливо произнося каждое слово. — Моя императрица подсыпала мне лекарство, а моя наложница тайно помогала врагам, став шпионкой. Я всегда относился к ним с искренностью, но они... под давлением своих семей без колебаний выбрали предательство...

«Да, ты был искренен с обеими, а вместе это уже двойная искренность».

Оуян мысленно усмехнулся, но вслух спросил:

— Как ты узнал, что это императрица?

— Она сама призналась, — император Синхэ с горькой усмешкой ответил. — В ту ночь, когда армия князя Дуншань окружила город, императрица выпила яд. Перед смертью она во всем призналась. Герцог Лао Синь давно замыслил измену, и еще до того, как она вошла во дворец, он дал ей указание сделать меня бесплодным. К сожалению, хотя его дочь выполнила задание, сам он оказался не так умен, и даже при всех приготовлениях не смог ничего добиться.

Сказав это, император Синхэ невольно вздохнул и с горькой усмешкой добавил:

— Императрица хотя бы осталась со мной до конца, а наложница... Ха, она уже несколько месяцев назад покинула дворец и уехала далеко.

— Сбежала с любовником? — Оуян не удержался.

Император Синхэ нахмурился.

Оуян поспешил объяснить.

— Я слышал, что до того, как она вошла во дворец, у нее был роман с двоюродным братом, а после того, как она стала наложницей, он так и не женился, что говорит о его преданности... Э-э... Ты не знал?

Увидев, что лицо императора Синхэ становится все мрачнее, Оуян смущенно замолчал.

Эту историю он слышал от своих друзей, когда они пировали вместе. Правда это или нет, он не знал, но поскольку это не его рога, они просто болтали ради смеха.

— Значит, все знали, а я один был в неведении, думая, что все хорошо, — император Синхэ, хотя и был в ярости, уже не имел сил злиться, лишь горько усмехнулся. — Если она не хотела входить во дворец, почему тогда не отказалась прямо? С ее положением в правительстве, разве я бы стал принуждать ее?

— Кто знает? Кто бы осмелился рискнуть? Ты ведь император! — Оуян насмешливо поднял уголок губ. — Одно неверное слово — и ты можешь лишиться жизни.

— Кого я лишил жизни? — император Синхэ рассмеялся от злости. — Это они все хотели моей смерти!

— Да-да, ты ничего не сделал неправильно, виноваты все остальные, — Оуян не стал с ним спорить. — Если я не ошибаюсь, этот Ян Дэцзян тоже предатель?

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16203/1454197>